Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Рассказ о праведном невольнике

Рассказывают также, что Малик ибн Динар [476] (да помилует его Аллах!) говорил: "Однажды у нас в Басре долго не было дождя, и ми несколько раз выходили помолиться о нем, но не видели и признака ответа на наши молитвы. И мы с Ата-ас-Сулами, Сабитом-аль-Бунаии, Наджи-аль-Бакка, Мухаммедом ибн Вася, Айюбом-ас-Сахтияни, Хабибом-аль-Фарися, Хассаном ибн Абу-Синаном, Утбой-аль-Гулямом и Салихом-аль-Музаии вышли и отправились к молельне, и дети вышли из школ и стали молиться, но мы не увидели и признака ответа на нашу молитву. И настал полдень, и люди ушли, а мы с Сабитомаль-Бунани остались в молельне.

И когда стемнела ночь, мы увидели чернокожего с красивым лицом, тонкими ногами и большим животом, который подошел, одетый в шерстяной плащ, и если бы оценить все, что было на нем одето, пена не дошла бы до двух дирхемов. Он привес воды и совершил омовение, а потом вошел в михраб и сотворил молитву в два легких раката, в которой вставания и поклон и падения ниц были одинаковы. И затем он поднял взор к небу и сказал: "О мой господин и владыка, до каких пор будешь ты отвергать просьбы твоих рабов о том, что не уменьшит твоей власти? Разве вышло то, что у тебя есть, и истощилась казня твоего царства? Заклинаю тебя любовью твоей ко мне: не напоишь ли ты нас твоим дождем сейчас же".

И не закончил он еще своих слов, - продолжал рассказчик, - как небо покрылось тучами, и пошел дождь, ливший точно из отверстий бурдюков. И мы вышли из молельни, погружаясь в воду до колея..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста шестьдесят восьмая ночь

Когда же настала четыреста шестьдесят восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Малик ибн Динар говорил: "И не закончил он еще своих слов, как небо покрылось облаками, и пошел дождь, ливший точно из отверстий бурдюков, и мы вышли из молельни, погружаясь в воду до колея, и удивлялись на чернокожего. И я подошел к нему, - говорил Малик, - и сказал ему: "Горе тебе, чернокожий! Не стыдно тебе того, что ты сказал?" И чернокожий обернулся ко мне и спросил: "Что я такого сказал?" И я молвил: "Ты сказал слова: "Ради твоей любви ко мне", а что дало тебе знать, что Аллах тебя любит?"

И чернокожий, - продолжал Малик, - воскликнул: "Отойди от меня, о тот, кто отвлекся от самого себя! А где же я был, когда Аллах поддержал меня верой в единого бога и выделил меня, дал себя познать? Разве ты думаешь, что он поддержал меня этим не из-за своей любви ко мне? Его любовь ко мне такова же, как моя любовь к нему", - прибавил он. И я сказал ему: "Постой со мной немного, помилуй тебя Аллах!" Но чернокожий ответил: "Я невольник, и на мне лежит обязанность повиноваться моему меньшому владыке".

И мы пошли издали за ним следом, - говорил Малик, - и он вошел в дом одного работорговца (а ночи уже миновала половина). И нам показалась длинной вторая половина се, и мы ушли. А когда настало утро, мы пришли к работорговцу и опросили его: "Есть ли у тебя молодой невольник, которого ты нам продашь, чтобы он нам прислуживал?" - "Да, - ответил работорговец, - у меня около ста слуг, и все они для продажи".

И он стал показывать нам одного слугу за другим, - говорил Малик, пока не показал семьдесят слуг, но я не увидал среди них моего друга, а потом работорговец сказал: "У меня нет никого, кроме этих". И когда мы хотели уходить, мы вошли в одну разрушенную комнату за домом работорговца и вдруг видим: стоит тот чернокожий. "Он, клянусь господом Кабы!" воскликнул я. И потом я вернулся к работорговцу и сказал ему: "Продай мне этого слугу!" - "О Абу-Яхья, - ответил работорговец, - это слуга злосчастный и бесполезный. Ночью у него нет другого дела, как плакать, а днем - раскаиваться". - "Поэтому я и хочу его", - оказал я.

И работорговец позвал чернокожего, и тот вышел, притворяясь сонным. "Возьми его за сколько хочешь, после того как снимешь с меня ответственность за все его пороки", - оказал мне работорговец. И я купил чернокожего за двенадцать динаров и опросил: "Как его имя?" - "Маймун", - отвечал работорговец. И я взял чернокожего за руку, и мы пошли, направляясь к моему жилищу.

И чернокожий обратился ко мне и спросил: "О мой меньшой господин, зачем ты меня купил? Клянусь Аллахом, я не гожусь, чтобы служить сотворенным". - "Я тебя выкупил, чтобы прислуживать тебе сам, и пусть это будет на моей голове", - ответил я. "А почему?" - спросил чернокожий. И я молвил: "Не ты ли был с нами вчера в молельне?" - "А разве ты проведал обо мне?" - спросил чернокожий. И я ответил: "Я тот, кто обратился к тебе вчера с речами".

И чернокожий продолжал идти, пока не вошел в мечеть, - говорил Малик, - и он сотворил там молитву в два раката и сказал: "Бог мой, господин и владыка, о тайне, что была между нами, проведали сотворенные, и ты опозорил меня этим среди людей. Как же будет мне теперь приятна жизнь, раз узнали другие о том, что было между мной и тобой? Заклинаю тебя, возьми мою душу в сей же час". И потом он пал ниц, и я подождал его немного, но он не поднимал головы, и тогда я пошевелил его и вижу: он умер (да будет над ним милость великого Аллаха!).

И я вытянул ему руки и ноги и посмотрел на него и вижу: он улыбается, и белизна покрыла его черноту, лицо его светится, и видно на нем веселье. И когда мы на него дивились, вдруг вошел в двери юноша и сказал: "Мир с вами! Да возвеличит Аллах нашу с вами награду из-за нашего брата Маймуяа! Вот саван, заверяйте его". И он протянул мне две одежды, подобных которым я никогда не видел, и мы завернули в них чернокожего.

А у его могилы, - говорил Малик, - теперь молятся о воде и просят подле нее о нуждах Аллаха (велик он и славен!). Как сладостно то, что сказал в этом смысле один из поэтов:

Гуляют сердца познавших бога в саду небес,

Пред ним возвышаются завесы господние.

Коль в нем они пьют вино, струя его смешана

С Таснимом [477] - той влагою, что близость к творцу дает.

Течет тогда тайна их меж ними и милыми,

И будет ограждена она от сердец других".